

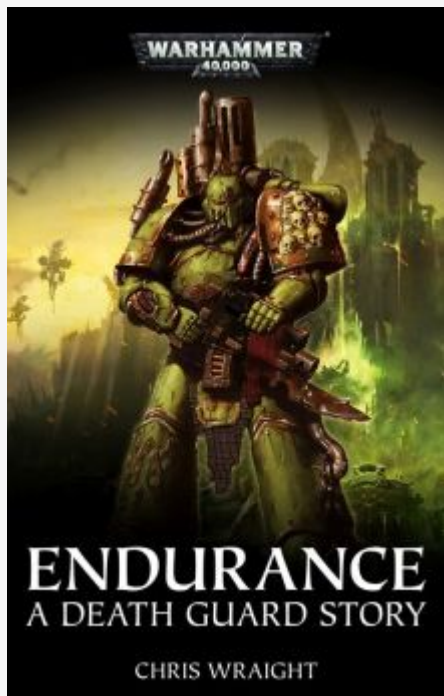
Стойкость / Endurance (рассказ)

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

Стойкость / Endurance (рассказ)

Автор [Крис Райт / Chris Wright](#)

Переводчик [Йорик](#)

Издательство Black Library

Год издания 2017

Подписаться на обновления [Telegram-канал](#)

Обсудить [Telegram-чат](#)

Скачать [EPUB](#), [FB2](#), [MOBI](#)

Поддержать проект

Сюжетные связи

Входит в цикл [Гвардия Смерти](#)

Предыдущая книга [Объединение / Unification](#)

Следующая книга [Повелители Тишины / The Lords of Silence](#)

Из сумрака дьявольской ночи снова выходят твари с безумными улыбками и сверкающими глазами. Листра – мир-улей, населённый миллиардами людей. С их большей частью потеряна связь, а это значит, что они уже превратились – или превращаются, – в тварей, и потому их наступлению нет конца.

Брат Саррѐн не стреляет из болтера. Патроны закончились три недели назад, и оружие с почтением было положено в трюме «Присягнувшего IX». Пилотируемый сервами «Громовой ястреб» покинет планету, когда падѐт последняя стена. Саррѐн бьется кулаками и силовым мечом, убивая врагов, словно один из царей-воителей своего родного мира. Его руки потяжелели и наполнились молочной кислотой. Кажется, будто он сражается глубоко под толщей вод.

Он находится на тянущемся на юг выступе бастиона, а на стенах рядом с ним стоят отряды, наспех собранные из выживших солдат местной листранской гвардии, уставшие до мозга костей. Вдали горят химические заводы, и на горизонте клубится дым, а ледяной воздух оставляет во рту привкус желчи. Позади них тихо угасают миллионы огней шпилей.

Сражаясь, Саррѐн кричит. Если бы он бился вместе со своим отделением, то выкрикивал бы боевые кличи или же раздавал тактические указания. Такой адский шум внушал бы ужас врагам, а боевых братьев побуждал бы к ещё большим подвигам. Но сейчас другие космодесантники слишком далеко отсюда, втянуты в собственные бои, и потому сейчас он декламирует, словно капеллан, пытаясь воодушевить гвардейцев.

- Держитесь, ради Того, кто на Троне! – кричит Саррѐн, ломая кулаком шею задыхающегося ковыляки.

Так они называют этих тварей – «ковыляки». Безобидный эвфемизм скрывает истинный ужас. Он не рассказывает ничего о мертвенных оскалах и неуклюже растопыренных руках, о серой плоти, свисающей с жѐлтых костей, о болезненном сиянии побагровевших глаз. Чудовища карабкаются на высокие стены прямо по грудам тел своих собратьев, слепо ковыляя прямо к расчѐтам лазерных пушек. Наконец, забравшись на парапет, они начинают убивать, не переставая ухмыляться ни на мгновение.

- Помните свои обеты! – кричит Саррѐн, оторванной ногой одного ковыляющего трупа сбрасывая другой со стены. – Будьте стойкими! Держитесь!

Не будь здесь космодесантника, оборона стены уже бы пала, защитники бы сломались, видя перед собой искажѐнные лица тех, кто прежде был такими же людьми. Возможно, порой они встречали тех, кого знали прежде, и им приходилось обрывать их мучения... Убить одного удавалось легко, ведь твари не пытались прятаться от лазерного огня. Но истребление сотен становилось непосильным трудом. Каждый раз, когда солдаты ошибались и позволяли тварям найти брешь, начиналась резня.

- Удерживайте позиции! – кричит Саррѐн, ломая хребет ковыляке, ударом ноги отбрасывая другого, а мечом разрубая ещё двух. Его сердца бьются невпопад. Он сильно потеет, несмотря на обезвоживание. Астартес знает, что если снимет латные рукавицы, то увидит руки, кровоточащие после недель непрерывных боѐв. – Во имя Его, будьте стойкими!

Листра падѐт. Даже слепец увидел бы это, даже рядовые солдаты перестают повиноваться комиссарам. Клеон, сержант отделения Саррѐна, знал это, но не отдал приказ об эвакуации. Приказы не изменились с тех пор, как были получены. Удерживать позиции, заставлять врага истекать кровью за каждый шаг. Люди, живущие вдали, на мирных планетах, сочли, что жертва отделения Имперских Когтей – достойная плата за то, чтобы Листра не попала в руки врага в ближайшие два-три месяца.

Приказы, приказы... Дисциплина. Решимость.

Пока что защитники слушают Саррьена. Стены держаться. Турели лазерных пушек непрерывно стреляют в кишасую тварями тьму. Листра-Примарис стоит, словно островок чистоты в океане мерзости. Но мертвецы лезут на стены вновь и вновь, и их всё больше. Их безумные улыбки начинают сводить его с ума.

Саррьен ненавидит их. Ненавидит то, что они делают с ним. Ненавидит мысль, что погибнет от рук тех, кто лишён чести или силы, а не от рук чемпиона, достойного сразиться с ним.

- Помните свои обеты! - снова кричит Имперский Коготь охрипшим голосом.

Штурмовой корабль летит через пустоту, не таясь. Скрытность ни к чему - это хищник, плывущий через море добычи. Он небольшой, по имперским стандартам его бы назвали эсминцем, однако это едва ли важно, ведь в этом краю космоса мало что может ему противостоять. Все грозные корабли втянуты в далёкие войны, высасывающие силы из Прогнившей Империи. Здесь, в пустошах, остались лишь плоть и зерно для вечно голодных мельниц душ.

В чём-то Драгану это даже нравится. Однажды его позовут славные битвы. Однажды Повелители Тишины соберутся для противостояния достойному врагу, но пока он наслаждается бездельем, как и привык. Да... таков его досуг - редкое истребление ничтожных врагов между так называемыми важными войнами.

Драган смотрит в пустоту на звёзды, плывущие за грязными иллюминаторами. У его корабля, «Инкалиганта», нет души, как у «Покоя». Это всего лишь машина, пусть и ошетилившаяся опухольями и новообразованиями. Её орудия кишат бактериями, а причудливые вирусы завелись в разложившихся канистрах старых пусковых установок фосфекса. Палуба покрылась ржавчиной, а в заражённом трюме плодятся фаги.

Враги называют их Гвардией Смерти, и в этом есть ирония, ведь легион является более живым, чем все, что осталось в заболоченной Галактике, пусть их жизнь и не совсем естественна. Дни славы уже на расстоянии плевка. Гвардейцы Смерти собираются после долгих лет лелеянья обид, полученных на заре Имперума, они могущественны, они сплочены. Численностью их превосходят лишь ублюдочный легион бродяг и проходимцев Разорителя, отступников, имеющих собственные проблемы. Драган верит, что однажды падут последние врата и границы Ока перестанут быть преградой. До тех пор его ждут жертвы в пустошах, охота на которых является вполне приятным времяпро...

Драган прищуривается, и в ответ на мостике «Инкалиганта» начинается суматоха. Что-то появилось в радиусе охвата сенсоров.

- Покажите мне, - приказывает чемпион, выплёвывая слова через проржавевшую вокс-решётку. Его пальцы, с трудомдвигающиеся из-за ослабевших хрящей, сжимаются на терминалах покрытого патиной командного трона.

- Имперский корабль, - подтверждает его догадку старший наблюдатель, человек в измазанном сажей фартуке и с покрасневшим от оспы лицом. Он не может встать с места из-за булькающих трубок, воткнутых в его тело на равном расстоянии. - Идёт на полной скорости, однако лишь на плазменных двигателях. Его можно перехватить.

- Согласен, - кивает Драган. - Готовьтесь к развороту!

«Инкалигант» устремляется к жертве. На этом этапе корабли разделяют тысячи километров, они кажутся друг другу лишь искрами в пустоте, но экипажи знают, к чему всё идёт. Через потрескавшиеся и идущие рябью уловители изображений поступает новая информация. Цель – транспортный корабль, медленный, вооружённый лишь по минимальным стандартам Флота. С ним рядом должны были быть корабли сопровождения, но их нет. Лёгкая добыча.

«Впрочем, – думает Драган, – теперь любая добыча кажется лёгкой».

Похоже, что им благоволит судьба, ведь каждое действие приводит к победам. Возможно, что обещанная расплата становится всё ближе. Возможно, что они сломают хребет Прогнившей Империи ещё до конца этого тысячелетия.

– Полный вперед! – приказывает чемпион, не вставая с трона.

Погоня длится недолго. Транспорт выглядит обычным, даже скучным. Коробка из грязного серого металла, тяжёлые пластины, покрытые заклёпками борта... Двигатели, перегруженные в тщетной попытке уйти от преследования и теперь брызжущие огнём, словно гаснущие свечи. Вскоре корабль выйдет из строя, и достаточно будет череды неприцельных выстрелов, выведших из строя оружие и пробивших пустотные щиты. Когда залпы прекращаются, Драган отправляет на борт абордажные команды, состоящие из его боевых братьев и порабощённых ими солдат. Сперва он позволяет им устроить бойню. Откинувшись на троне, Драган слушает крики по дальней связи. Ему доставляет удовольствие смотреть на безмолвные и безмятежные очертания корабля, зная, что происходит внутри.

Затем он поднимается, чувствуя, как трещат изъеденные болезнью кости. Чемпион не тянется за оружием, зная, что достаточно когтистых латных перчаток. Он идёт по влажным коридорам к затянутым испарениями ангарам, где работают горбатые сервиторы, и садится в проржавевший шаттл, что понесёт его через пустоту к избиению. Драган не спешит. Палубы транспортника уже покрыты раздавленными клочьями мяса и кровью, смешивающейся с маслом и хладагентами в отвратительную жижу. Издалека доносятся крики и вопли. Основные осветительные приборы уже уничтожены болтерным огнём, но чемпион видит всё, что ему нужно.

Он прокладывает себе путь через обломки к люкам, чувствуя, как свежий аромат накладывается на бедный и скучный запах обеззараженного корабля. Вскоре он уже приближается к мостику, поднимаясь по узким металлическим ступеням, прогибающимся под его весом. Там Драган и встречает первое сопротивление – сервов в бронезилетах и с ружьями в руках. Он не сбивается с шага, но идёт прямо сквозь лёгкий дождик из пуль, чувствуя, как его доспехи поглощают и выплёвывают их наружу. Затем чемпион протягивает руку, ломая ближайшему врагу шею, и отбрасывает его прочь. Убивая остальных, он едва ли сосредотачивается на происходящем. Драган внушает сервам истинный ужас. В краткие мгновения концентрации, когда чемпион ломает их шлемы пополам или смотрит на особенно необычную реакцию, он чувствует страх, чистый, способный парализовать человека. Впрочем, это неважно, он не упивается им, не отвлекается на это. Таков путь вещей, ибо он силен, а они – слабы. Слабых всегда истребляют, дабы сильные могли преуспеть. Если у Драгана и есть вера, то она такова.

Убив последнего серва небрежным ударом ладони, чемпион видит, как на мостик входит его заместитель Гласк. Этот Гвардеец Смерти – раздувшееся создание, чьи доспехи покрылись волдырями, как будто их когда-то бросили глеть под теплоотводником. Единственный глаз свирепо смотрит с мокрого лица – шлема воина, хромающего на левую ногу.

– Всё конечно, брат? – спрашивает Драган.

- О да.

- И каков счёт?

- Несколько тысяч. Нам пришлось немного посуетиться.

Несколько тысяч воинов, на полной скорости летящих через пустоту и без сопровождения. Свидетельство отчаяния, а возможно - последнего броска костей... Сопя, Драган идёт к пункту управления. Хрящи меняются во всё новых и новых сочленениях, отчего в движениях появляется... неловкость. Возможно, это приближается истинный Дар, наполняя его тело благословением от бога, которому он должен поклоняться. А может, он просто стареет.

Он нажимает на углубления окованного бронзой когитатора, вызывая паутину траекторий. Сперва ему даже не удаётся вспомнить, как в Империи измеряют расстояние в пустоте, используя причудливую смесь архаизмов и высоких технологий без понимания того, с чем они имеют дело, но затем он осознаёт, что видит.

- Возможно, нам стоит отправиться сюда... - говорит чемпион, тыкая в сияющий огонёк грязным пальцем. - Листра. Слышал про неё?

Гласк качает головой. Название ничего не значит и для Драгана. Впрочем, он сражался на стольких планетах и в стольких битвах, что едва ли можно назвать выделяющимся какое-либо из сражений, а воспоминания туманит дымка терпеливой охоты и медленно проникающей всюду скверны...

- Значит, туда и отправимся, - говорит чемпион, отворачиваясь от колонны. - Будет весело.

Саррьен так долго был один. Клеон ушёл, чтобы возглавить оборону главных береговых врат далеко на севере. Талис и Керенон охотятся в подульях, идя по колено в нечистотах. Остальные боевые братья мертвы, а их геносемя потеряно в умирающем мире. Это сильнее всего разжигает ярость Имперского Когтя. Для него, как и для всех Адептус Астартес, генетическое наследие - святыня, связывающая орден с его далёким прародителем. Боевой брат может умереть, его искра жизни может погаснуть, таков порядок вещей. Но потеря бессмертного семени... невыносима. Им удалось спасти так мало своего наследия в ходе этой изматывающей войны, и даже нет никаких гарантий, что последний ударно-штормовой корабль успеет покинуть планету.

Всё кажется таким... бессмысленным. словно решение отправить их сюда было принято тактиками, живущими в далёких секторах Галактики и не представляющими, какие бесценные реликвии они выбрасывают на ветер. Так ли уж важно, чтобы Листра продержалась ещё месяц? Был ли приказ отдан, чтобы на самом деле обеспечить время для победы в более важных конфликтах? Или это было сделано лишь для того, чтобы дать мудрецу где-то в стратегиуме Терры повод повесить на себя медаль?

Но дисциплина - суть Саррьена. Он исполнит свою задачу или умрёт, пытаясь. Его личная ярость и усталость не важны. Космодесантник вспоминает проповеди капеллана Герахта, укрепляя в себе решимость, упорство, готовность пожертвовать ради воли Трона. Южные стены города пали. Теперь бои идут на его улицах, и ковыляки дорого платят за каждый заполонённый ими королевский шпиль. Защитники противостоят и вспышкам чумы в тылу, и ордам, преследующим их по пятам. Выжившие воины из местной Гвардии следуют за Саррьеном в долгом отступлении, чтобы укрепить оставшиеся линии обороны, чем смогут.

Космодесантник обращается к лейтенанту Ворну, старшему офицеру из числа уцелевших в этом районе.

- Ты ведь получил сообщение о приближении подкреплений, - говорит он. - Прежде, чем дальняя связь перестала работать.

- Да. - Прежде Ворн обращался к Саррьену с робостью, порождённой благоговейным страхом. Теперь же он, как и все, слишком устал для чего-либо, кроме мрачного ворчания. - И больше ничего.

Вот и всё. Надежда на то, что власти сектора смогли собрать подкрепления, умерла, оказавшись иллюзорной, как и все остальные недолговечные мысли о спасении. Возможно, никто не отправился в путь к Листре. Быть может, кто-то и отправился, но был перехвачен? Саррьен оглядывается по сторонам. Их центр управления - старая часовня, входы в которую перекрыты баррикадами из обломков и разбитой мебели. Гвардейцы сидят на камнях. Одни покачивают в руках ружья, другие пьют из опустевших фляг, третьи лишь потерянно глядят в пол. Этой ночью они ему не помощники - даже идти солдаты смогут только после часового отдыха.

- Тогда я отправлюсь на охоту, - говорит космодесантник, протягивая руку к мечу, и включает энергоподачу. Мерцающее лезвие освещает часовню тусклым и слабым светом. - Оставайтесь на месте, пока я не вернусь.

Ворн, едва способный поднять руку, всё равно отдаёт ему честь.

А затем Саррьен отправляется в путь, выскользнув из часовни в очередную смрадную ночь. Он движется почти бесшумно, пользуясь своей способностью к скрытности так же, как делал это в прошлые месяцы. Посмотрев вверх, он видит всё ещё держащиеся артиллерийские позиции среди жилых зданий. Саррьен знает, что ещё несколько расчётов лазерных пушек разместились дальше за баррикадами. Гвардейцы вглядываются в воющий сумрак, зная, что враг приближается...

А затем Саррьен покидает регионы, формально находящиеся под контролем Империи, и входит на ничейную землю. Он проскальзывает через кратеры, наполненные солоноватой жижей, пробирается мимо почерневших зданий, уничтоженных артобстрелом и молчащих, словно могилы. Он чувствует врага прежде, чем видит. Ощущает далёкое жужжание мух, слышит писк крыс, карабкающихся через груды камней. Тело содрогается от инстинктивного отвращения, которое ему следовало бы сдерживать...

Подобравшись к остову завода, всё ещё дымящегося после бомбардировки, Саррьен проводит поиск сигналов тел внутри. Пятьдесят семь - по крайней мере, столько обнаруживают авточувства.

Космодесантник делает глубокий вдох. В начале войны его не встревожило бы столько врагов, но теперь он ослабел без подходящей еды, уже слишком долго не отдыхал, и потому должен действовать осторожно...

Он прыгает, цепляясь за подоконник, а затем падает внутрь, разбрасывая остатки стекла по скалобетонному полу. В темноте поворачиваются всполошённые фигуры. Прежде, чем твари успевают прийти в себя, Саррьен набрасывается на них, рубя и ломая кости кулаком. Двух он рассекает пополам первым же взмахом, ещё три падают в следующее мгновение. А затем он оказывается втянут в ближний бой, истребляя вопящих ковыляк, пытающихся его ударить. Саррьен отбивает в сторону примитивное оружие, сделанное из инструментов, и уходит с пути плохо нацеленных лазерных лучей. Он рубит и крушит, чувствуя, как натягиваются саднящие мускулы. Он быстро потеет. Старые раны открываются. Астартес сбивается с шага и почти позволяет твари ударить себя кружащейся пилой. После он сражается с удвоенной яростью, наказывая себя за слабость, и вымещает на мертвецах свой

вымученный гнев. Ретинальные линзы залепляет просвечивающая кровь, но он продолжает убивать, ведь твари не отступают. Они никогда не отступают. Мертвецы, несмотря на безумные улыбки, словно приветствуют освобождение от своей жуткой судьбы.

Саррьен впечатывает в дальнюю стену громилу, чья рука обвисла, словно змея, и вырывает глотку зеленоглазому ковыляке. Он проламывается в соседний зал, с обеих сторон обставленный умолкшими разбитыми машинами. Жужжание мух становится громче, усиливается выворачивающая наизнанку вонь. Воздух кажется тягучим, словно здесь замедлилось само время. Саррьен чувствует головокружение и силой воли сдерживает слабость тела. Шатаясь, навстречу ему идёт человек... огромный, с кожей, натянувшейся от мускулов. В его лысую голову воткнуты железные штыри, глаза зелены, а на тяжёлой грудной клетке гноится татуировка в виде мёртвых голов. Невероятно, но он почти такой же большой, каким был бы без доспехов сам Саррьен. Астартес пытается шагнуть к нему, занести меч, но тело неохотно повинуется ему. Мускулы словно налились свинцом.

- Парень, ну хватит тебе... - говорит человек.

Пошатнувшись, Саррьен падает на колени, чтобы перевести дыхание, и крепче сжимает клинок трясушейся рукой. Остальные ковыляки словно растворились. Убил ли он всех? Космодесантник не помнит.

- Ты ведь себя убьёшь, а это станет такой... напрасной тратой.

Саррьен заставляет себя встать на ноги. При выдохе на внутреннюю поверхность шлема летят брызги крови. Он прижимает клинок к шее незнакомца, металл впивается в плоть.

- Умолкни! - шипит космодесантник.

- О, время безмолвия настанет. - Истекающий кровью человек облизывает покрытые струпьями губы. Жилы на его шее задевают потрескивающее лезвие меча. - Ведь он уже так близок. Он идёт. Висельник.

Саррьен хочет воткнуть клинок глубже, прикончить врага, но не может. Глядя в глаза незнакомца, он чувствует себя таким усталым... таким невыносимо усталым...

- Всё кончено, парень. - Чёрная кровь стекает по рябому подбородку. - Он почти здесь.

И тогда Саррьен чувствует, как в нём вновь разгорается пламя. Он кричит, и в этом крике в равной мере смешиваются боль и решимость. Сила возвращается к нему, и он вырывает меч наружу, разрубая шею. Рассекая плоть, ломая кости. Незнакомец падает, превращаясь в смрадную грудку мяса.

Тяжело дышащий космодесантник оглядывается по сторонам, высматривая врагов.

Он стоит по колени в трупах, но ни один из них не двигается. Сабатоны скользят по лужам крови. Саррьен чувствует холод, пробирающий его до глубины души, и начинает дрожать, не переставая при этом потеть...

Он начинает идти. Нужно выбраться из этого места, уйти подальше от смрада, втянуть в лёгкие свежий воздух.

Но космодесантник видит лишь полные сочувствия и ожидания глаза человека.

«Он почти здесь».

Саррьен продолжает шагать, не слыша, как под саботонами трещат кости, пытается не замечать черноту, заволакивающую глаза.

- Я выстою, - шепчет он, но с окровавленных губ срывается лишь хрип. Поэтому космодесантник шепчет эти слова вновь и вновь.

Стоя вместе с Гласком на наблюдательной палубе и глядя на мерцающие пикт-передатчики, Драган видит мир, который скоро уничтожит. Он чувствует, как глубоко на палубах под ним с грохотом встают на позиции десантные капсулы.

- Это мир-улей, Висельник... - начинает Гласк.

Драган свирепо смотрит на него. Чемпион ненавидит прозвище, отдающее причудами барбарцев, ведь он вовсе не один из них. Воин не помнит, где впервые его услышал и как к нему прицепилась кличка, от которой уже не избавиться.

- Смотри сюда, - говорит Драган, показывая на величайшее скопление зданий, паутину из шпилей улья на северном континенте.

- Но город уже атакован... - с сомнением отвечает ему Гвардеец Смерти. - Осаждён, отрезан. Что ещё мы сможем сделать?

Чемпион чувствует странную уверенность, необъяснимую ни данными, ни его обычной самонадеянностью. Он пристально глядит на сканер.

- Нет, там не просто отбросы войны, - качает он головой и моргает, призывая почётную стражу, а затем отдаёт приказы остальным чумным десантникам из боевой банды. - Мы встретим врагов, достойных наших клинков...

Они направляются к посадочной палубе, где встречаются с остальными. На борту «Инкалиганта» лишь один десантный модуль - «Клешня ужаса», - каким-то образом оставшийся в сносном состоянии после древних войн, и ещё пара более неуклюжих штурмовых аппаратов. За века службы заразным бандам Гвардии Смерти на бортах «Клешни ужаса» возникли пульсирующие мешки гноя, а из металлических гребней вырвались костяные наросты. Когда они забираются внутрь и цепляются за сверкающие щупальца, спускающиеся с шипастой крыши, под космодесантниками прогибается пол.

- Ты... в порядке, Висельник? - с непривычной заботой и храбростью спрашивает Гласк.

- Не называй меня так, - отвечает ему Драган.

А затем «Клешня ужаса» начинает своё головокружительное падение. Чумных десантников подбрасывает, вдавливая в мягкие внутренности капсулы. Несколько мгновений они не слышат ничего, кроме рёва ускорителей, затем к нему прибавляется грохот от входа в атмосферу. Скорость нарастает и нарастает, достигая пика за миг до того, как включаются тормозные двигатели, и неуправляемое падение завершается привычным ударом, сотрясающим кости.

Драган первым выбирается из капсулы и видит перед собой город, опустошённый близким знакомством с благословениями бога-покровителя Гвардии Смерти. От шпилей остались лишь ржавые скелеты, огромные чёрные лозы проросли между гниющими преобразователями питательной массы. Влажный воздух отдаёт запахом гноя, а по земле ползают мясистые мухи. С небес падает ливень, чьи капли густы,

словно слизь. Пробитая капсулой трещина в скалобетоне уже наполняется липкой жижей.

- Славное местечко, - усмехается Гласк, ковыляя по разбитому асфальту.

Драган медлит, позволяя своим воинам уйти вперёд. Он смотрит на далёкие шпили, вокруг которых кружат создания, похожие на ворон и одновременно - на нечто куда более странное. Вдыхает затхлый воздух, ощущая знакомые оттенки заразы и гниющей плоти. Струйки дождя стекают по его пропитавшейся порчей броне.

Наконец, услышав далёкие выстрелы, он начинает идти. Несмотря на все следы глубоко укоренившейся скверны, здесь до сих пор идёт война... Банда углубляется в сердце рассыпающегося города, уходя в тени остовов жилых домов, и тогда из навстречу им выбираются первые оспенники. Жалкие твари начинают что-то лепетать, привычно радуясь встрече с чумными десантниками. Один подбирается слишком близко к Драгану, раздражая его своей идиотской улыбкой, и чемпион ломает ему спину.

- Они здесь уже давно, - задумчиво говорит Драган, обеспокоенно глядя на следы ржавчины. - Но кто до сих пор с ними сражается?

Чумные десантники идут сквозь текущие по улицам потоки воды, а вокруг них собирается всё больше ковыляющих оспенников, урчащих и тянущих к ним руки, словно домашние звери. На некоторых из них видны жуткие раны, едва затянувшиеся даже со скрепляющей плотью силой заразы. Гласк всё ещё идёт вперед, а остальные начинают рассредоточиваться. Линзы их шлемов мерцают в сумерках тускло-зелёным светом. У Драгана есть странное чувство, которое он не может осознать, но не может и избавиться от него. И оно гудит в его разуме, цепляясь за мысли, как насекомое, которое не прихлопнуть.

А затем он чует это. Даже сквозь смрад гнилой плоти можно заметить особый запах керамитовой брони, её смазки и ритуальных масел.

- *Осторожно*, - говорит по воксу чемпион, выпуская из латных перчаток ржавые когти. - *Здесь грозный враг.*

Они не спешат, как и всегда. Они пробираются всё глубже в затапливаемый чумной город, по вязкой жиже идёт рябь от ударов раздвоённых саботонов. Гвардейцы Смерти не скрывают своего приближения, но и не выдают его боевыми кличами. Как и на тысячах полей былых сражений, они обнаружат врага, определяют соотношение сил и пойдут на сближение. И вот они уже шагают в тени нависших огромных шпилей, почерневших от огня и истекающих липким гноем. На тактических дисплеях, грязных и влажных, появляются обозначения тепловых сигналов. Гвардейцы Смерти идут туда, и оспенники следуют за ними. С каждым мигмом всё больше мертвецов собирается вокруг владык, которых они обожают и которыми тщетно надеются однажды стать.

Первым в битву вступает Гласк. Когда он выбирается на извивающийся перекрёсток, забитый обломками сгоревших машин, болт с грохотом пробивает дыру в его правом наплечнике. Гвардеец Смерти, пошатнувшись, поворачивается к врагу и стреляет в ответ.

Отставший от него на несколько шагов Драган вертит головой, ища цель, а затем видит её. В сотне метров выше за грудой обломков и колючей проволокой из укрытия выходит воин в неукрашенной броне, стреляя на ходу. Затем появляются и другие космодесантники в латунно-серых доспехах, украшенных чёрно-жёлтыми шевронами. Дюжина легионеров, пахнущих машинным маслом и прометием. За ними сквозь обломки прокладывает себе путь нечто квадратное, огромное и окутанное

дымом.

Драган улыбается, видя сынов Пертурабо. Это действительно достойный враг.

- Вступайте в бой по готовности, братья мои, - приказывает он, неспешно переходя на сотрясающий землю бег. Его когти окутывают искры расщепляющего поля. - Давайте поглядим, что они могут!

Последние укрепления прорваны. Связь с Клеоном потеряна. Насколько Саррьену известно, сержант и все его братья мертвы. Он лично отдал приказ «Присягнувшему IX» улетать с остатками святого оружия и горсткой извлечённых желез геносемени, но космодесантник не знает, получили ли пилоты его сообщения вовремя.

Он сражался без передышки так долго, что уже не помнит. Одна нога сломана, и осколки костей трутся о провода доспеха. Саррьен почти ослеп от крови, льющейся из разбитого лба. Силовой меч погас, энергоячейка разбита, и теперь Саррьен сражается им, словно одним из немых клинков древности.

Он отступает под натиском бесчисленных тварей, устало отмахиваясь мечом, который держит обеими руками. Всё, что Саррьен видит - текущее к нему море осквернённых людей, на растянутом лице каждого из которых застыла проклятая ухмылка. Воздух жаркий, сухой, едкий.

- За Императора! - кричит он в тысячный раз за день, бросая тварям вызов голосом, ослабевшим и хриплым, а в горле его булькает кровь. Мухи пробрались в трещины его доспеха, они вгрызаются в плоть, кусая и высасывая кровь. Мерзкие газы вырываются из земли вокруг, зловещие клубы зелёного и жёлтого дыма. Застарелые токсины попадают в уже заражённый воздух.

Он - последний. Саррьен видел, как погибли все, один за другим, жертвуя собой ради мира, который Империи забыл. Он не знает, дала ли их отвага возможность победить в других битвах, и больше об этом не думает. Космодесантник не может вспомнить ни собственное имя, ни катехизисы, которым учили его капелланы. Он помнит лишь, как сражаться, и слова «За Императора!», срывавшиеся с его губ с самого принятия в орден.

На него бросается тварь, похожая на освежёванного пса, оскалив пасть, полную изогнутых клыков, и он устало убивает её. Саррьен знает, что ковыляки карабкаются на мостки над его головой, готовясь броситься сверху, но ничего не может сделать. Впервые в жизни космодесантник чувствует, как его душит отчаяние. У него больше нет благородной цели, ради которой стоит сражаться, перед ним нет достойного врага, всё, что вокруг - невыносимый смрад осквернённой плоти.

- За Императора... - выдавливая из себя Саррьен, и его тело содрогается от боли.

Шатаясь, преследуемый по пятам космодесантник заходит внутрь огромного собора. Под расколотой крышей в треснувшей арке на ржавых цепях всё ещё висит огромная каменная аквила. Потёя, дрожа, Саррьен пробивается к ней. Он чувствует, как насекомые прогрызают себе путь всё глубже. Они уже забрались в шлем, душа его.

- За Императора.

Саррьен оказывается совсем близко, и тогда тупой клинок подрубает его здоровую ногу. Воин падает на колени, разрубает ранившего его мертвеца и ползёт дальше. Аквила раскачивается от бушующих в нефти свирепых чумных ветров. На глазах Саррьена цепи лопаются, и огромный каменный орёл падает на

землю, где разбивается на три части об расколотый алтарь.

- За. Импе...

Нечем дышать. Каждый раз, когда он пытается, в горло лишь забиваются новые мухи.

- За...

Саррьен смотрит вверх и видит сквозь поднятую пыль и облака мух татуированного великана. На его обвислой шее мертвенно-бледный рубец.

- Ну что, парень, тебе не надоело?

- За...

Саррьена бьёт дрожь. Он чувствует, как умирает тело. Органы, напряжённые до предела, пульсируют, словно из них готовы вырваться черви. Меч падает из ослабевших пальцев.

- Ты ведь хочешь продолжать сражаться, не так ли?

Он пытается подняться, но всё перед глазами чернеет.

- Тебя ждёт лучшая смерть, если ты её захочешь. Ты даже не вспомнишь, что был здесь.

Голова Саррьена бьётся о камни, и он чувствует вес набросившихся на него ковыляк. Вши впиваются в панцирь, забиваясь в соединительные узлы. Вторичное сердце разрывается на части, всё тело переполняет раскалённая боль. Саррьен заставляет себя в последний раз посмотреть наверх и видит склонившегося над ним человека. Свет странно преломляется на его покрасневшем лице, особенно в зелёных глазах.

- Так что ты хочешь теперь, парень? - спрашивает он.

Как и прежде, кажется, что здесь больше нет никого, кроме них двоих. Саррьен видит лицо незнакомца, но всё остальное расплывается. Чувствует муки умирающего тела, но вопли тварей стали приглушёнными. Мир сжимается вокруг, как короста вокруг раны.

- Бороться, - хрипит Саррьен, и голос его доносится словно издалека.

- О, это ты можешь. - Лицо становится ближе. У кожи нездоровый оттенок, серо-зелёный, похожий на мох на камнях. - Ты ведь боролся столько месяцев, не позволяя себе сломаться. Ты ведь можешь выстоять перед всем, да? Кроме, возможно, бессмысленности. Ведь всё это было бессмысленным, тщетным. Вот что истинная мука.

Саррьен чувствует, что слова впиваются в него, словно когти. Внутри него разрастается нечто, похожее на опухоль или пробуждающуюся скверну. Космодесантник видит железные штыри на бритой голове незнакомца, но теперь они выглядят как вытянувшиеся служебные штифты. Смотрит на вздутия под кожей врага, но теперь они похожи на остатки древнего прогнившего чёрного панциря.

- Я убил тебя.

- И можешь убить вновь, но не запомнишь и этого.

Он сражался так долго, забыл так много. Боль невыносима. Саррьен не знает ничего, всё, чем он был - уничтожено. Город вокруг него превращается в святилище, нет лишь подношения.

- Чего ты хочешь? - вновь спрашивает его татуированный человек.

- Продолжать сражаться.

- Есть лишь один способ это сделать.

Долгое время Саррьен не отвечает. Кажется, что он падает, тонет в холодной бездне, слыша далёкий крик.

Он знает, что для начала достаточно задать себе вопрос. Это самый лёгкий путь сгладить будущие трудности.

Взгляд зелёных глаз впивается в его душу.

- Чего ты хочешь?

Эта боль...

- Большого, - отвечает Саррьен.

Тесня врага, Драган наслаждается битвой. Сыны Пертурабо сражаются и сражаются достойно, ведь они столь же упорны и сильны, как Гвардия Смерти, но они на чужой земле, в мире, принадлежащем Чумному богу, и потому проиграют.

Конечно, чемпион не знает, откуда в городе взялись оспенники. Должно быть, мертвецы пробыли здесь уже много лет, медленно наполняя всю планету потоком скверны. Драган думает, что эти жалкие создания родились в какой-то древней войне и с тех пор, как обычно и делали, изменили мир, превратив его из холодного творения Имперіума в бледное отражение Чумной планеты.

Бросившись на очередного врага, легионер вонзает когти в прочный керамит, наслаждаясь агонией Железного Воина. Предсмертный удар сотрясает его шлем, бьющийся о раздувшиеся железные штыри в черепе. Драган вздёргивает умирающего сына Пертурабо в воздух и отбрасывает в сторону. По груди чемпиона расходитесь дрожь боли, вырезанная в плоти старая татуировка снова истекает кровью и гноем.

Чемпион наступает, и братья следуют за ним. Они гонят врага в гниющие остатки того, что когда-то было собором. Теперь стены покрывают мерцающие растения, а пол скрыт густым ковром из спор. Среди них Драган видит обломки имперской аквилы, скрытые под пологом из питаемых дождями грибов. Обломки лежат так, словно упали с крыши очень давно...

Чемпион замирает, чувствуя, как на мгновение пробуждается позабытое воспоминание. Он моргает и на мгновение видит, что смотрит на искалеченного и вымазанного в грязи воина, лежащего под обломками, чувствует, что уже как будто говорил с ним здесь. Смутный образ приближается к поверхности, оказываясь столь близко, что можно протянуть руку и ухватить...

Но затем раздаётся грохот, и Гласк выходит вперёд. Гвардейцы Смерти следуют за ним. Драган приходит в себя. Когда он снова моргает, то видит лишь обломки и качает головой. Едко усмехнувшись, чемпион идёт дальше, уже видя новые цели, и выбирает тех, кого убьёт.

- Висельник! - весело окликает его Гласк. - Мы обратили их в бегство!

Драган свирепо косится на него, снова вступая в бой.

- Не называй меня так, - шепчет он и наступает на расколотую аквилу, втоптывая обломки в гниющую землю.

Источник — [https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Стойкость_/_Endurance_\(рассказ\)&oldid=17843](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Стойкость_/_Endurance_(рассказ)&oldid=17843)

Эта страница в последний раз была отредактирована 3 октября 2021 в 00:26.